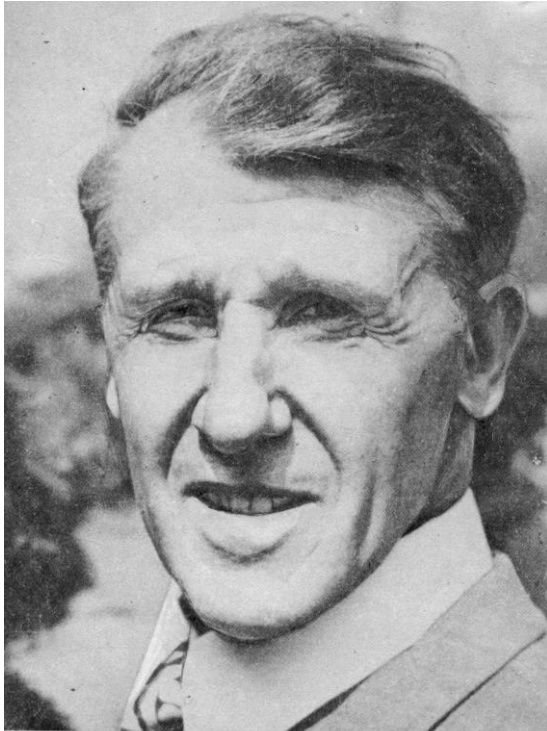

Солобай П.А.

Харьковский национальный университет строительства и архитектуры

ПАМЯТИ УЧЕНОГО И ПЕДАГОГА
(в связи с 100 летним юбилеем А.А. Тица)

А. А. ТИЦ
1916 – 1988

Октябрь 1961 года. С любопытством и нетерпением ожидал начала занятий по архитектурному проектированию. В голове рождались картины больших залов, украшенных архитектурными проектами и макетами. Но, в действительности оказалось все более прозаично, чем я рисовал в своем воображении.

В большой аудитории, на четвертом этаже главного корпуса ХИСИ, на помосте, перед нами предстали совершенно разные по характеру и внешнему виду, три педагога. С левой стороны, если смотреть с зала, стоял человек среднего роста, с тонким абрисом и красивыми чертами лица, во взгляде которого бы что-то орлиное и несколько дерзкое. У него была густая, жесткая шевелюра, подернутая благородной сединой. Тонкие и элегантные усы

подчеркивали волевой характер этого человека. В его фигуре и одежде, в манере держаться была какая-то особая элегантность. Большой карандаш в его нагрудном кармане, говорил о его профессиональной принадлежности. В нем что-то было от Эрзя или вернее всего от Ж. Кандилиса. Таким было мое первое восприятие Зиновия Даниловича.

С правой стороны стоял доцент Г.А. Яновицкий. Человек невысокого роста, несколько грузного телосложения, присутствующего как обычно, пожилым людям. Он производил впечатление спокойного и погруженного в свои мысли, умудренного жизнью человека. Голова его была покрыта убеленной сединой. С виду он казался несколько флегматичным, но это первое восприятие было обманчивым, как оказалось позже, он обладал бурным творческим темпераментом.

В центре этой великолепной тройки возвышался Алексей Алексеевич Тиц – высокий, подтянутый и стройный человек. Он был моложе своих коллег. В его фигуре, его манере, говорить, в его одежде и во всем его облике чувствовалась какая-то собранность, аккуратность и строгость, которые подчеркивали целостность его натуры. В его лице, в его взгляде было что-то доброе и светлое, излучающее свет и неподдельный оптимизм. Та искренность и темперамент, которые чувствовались в его речи, подчеркивали открытость его натуры и чистоту его добрых помыслов. Он производил впечатление лоцмана, вернее штурмана, который собрался вести нас по волнам прекрасного и невиданного нам мира – мира полного тайн, волшебства, удивления и восторга; мира, который как ничто другое, отразивший величие и созидательный дух и труд человечества. Казалось, что свежий ветер наполнял душу, его глаза светились каким-то удивительным

светом. Весь он был преисполнен спокойствия и уверенности в своем деле, и эта уверенность передавалась нам, изъясвившим желанием постигнуть законы и тайны, одной из самых прекрасных и созидательных профессий, которую освоил человек.

Вторая встреча с Алексеем Алексеевичем произошла на обсуждении выставки творческих работ студентов, которая была организована после нашей поездки в колхоз. Алексей Алексеевич отметил мои зарисовки с натуры, и особенно обратил внимание на работы, выполненные в технике аппликации из цветной бумаги.

Третья встреча осталась в моей памяти, когда Алексей Алексеевич, увидев отмытку моего первого, курсового проекта заметил: «Вы чувствуете акварель».

Но больше всего на меня произвели неизгладимое впечатление его лекции по истории архитектуры. Алексей Алексеевич читал увлеченно с вдохновением. Я не записывал его лекции, боясь упустить тот пафос, тот настрой, ту восторженность, с которыми он открывал перед нами огромный и увлеченный мир прекрасного, величественного и неповторимого, что оставило после себя человечество.

Он был влюблен в архитектуру, и с большим желанием открывал перед нами дивные и чарующие страницы жизни Древнего Вавилона и Древнего Египта, восхищаясь их величественными храмами и сооружениями, и великим искусством этих цивилизаций. Он обоготворял, и преклонялся перед искусством Древней Греции, его совершенством форм и пропорций. С не меньшим восторгом он открывал нам цивилизацию Древнего Рима, восхищаясь перед великим достижением их инженерной мысли и масштабами строительства – С не меньшим восторгом он раскрыл нам религиозную ограниченность средневековья, где величие человеческого духа воплотилось в готических памятниках. Я помню сейчас, с какой любовью и восторгом он описывал соборы в Париже, Реймсе, Амьене и Шартре. Он восхищался тонкостью их форм и деталей, смелостью

их конструктивного решения, и их неудержимой устремленностью в небесную высь.

С упоением мы слушали о становлении гуманизма в эпоху Возрождения. О ее великих зодчих, художниках и ваятелях. Об эпохе породивших великих людей и великие идеи. Алексей Алексеевич понимал сущность архитектуры, ее красоту и ее неотразимую силу воздействия на человека. Поэтому с большим усердием и желанием он знакомил нас с памятниками барокко и рококо, восторгаясь неудержимой фантазией и пластической роскошью этих стилей.

Но больше всего он был влюблен в русскую архитектуру. Он чувствовал ее дух, ее былинные и песенные формы, в которых воплотилась духовность и талант русского народа. Эта увлеченность составила смысл и целью его жизни. Это можно оценить по его научным трудам и его графическим работам. Мягкие и тонкие по рисунку и цвету, они стали отражением того эпического восприятия и восхищения, которым была наполнена его душа. В них нашла отражение его живая и восторженная натура, преисполненная великой любовью к русскому зодчеству.

Алексей Алексеевич – великий педагог, не по тому, что он учил нас держать в руках карандаш и кисть, а потому, что он мог раскрыть перед нами удивительный и прекрасный мир архитектуры, привить любовь к этой профессии и зажечь сердца и души своих учеников.

Его интеллигентность, благородство души, высокая человечность, были для нас идеалом образованности и высокой нравственности. Он был оптимист, великий жизнелюб и энтузиаст. Все свои силы, устремления души и своих помыслов он отдал благородному делу – воспитания молодого поколения.

Алексей Алексеевич был интегрирующей фигурой на факультете. У него было неотразимое обаяние, он не делал дистанции между собой и собеседником, не зависимо от его положения. Независимо от ранга он обращался ко всем на Вы.

А самое главное, все, что он делал, делал не для себя, а для становления и развития в Харькове архитектурной школы. После него у нас осталось незаполненное духовное пространство, которое пока никому заполнить. У нас нет сейчас такой личности, которая бы стала организующей и объединяющей фигурой.

Все что мы сегодня имеем, все, чем мы славны, мы обязаны Алексею Алексеевичу. Он возродил харьковскую архитектурную школу. Свою деятельностью он сеял доброе и светлое, о чем свидетельствуют его прекрасные рисунки (рис.1-4). Семена, брошенные им, проросли бурной порослью во многих странах мира.

Рис. 1. На земле Архангельской

Рис. 2. Троицко-Сергиевская лавра

Рис. 3. Старый Брно

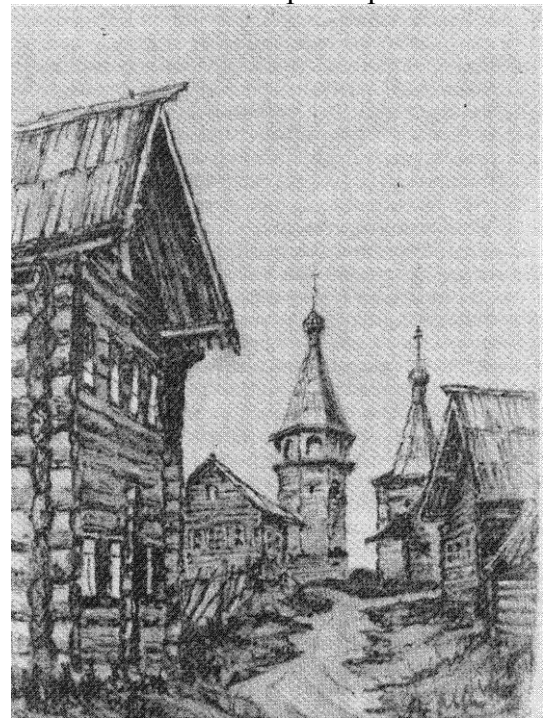

Рис. 4. Село Ошевенское. Каргополье

Алексей Алексеевич был педагогом с большой буквы, в полном понимании этого слова. Наше поколение архитекторов должно быть благородно его труду, его подвижничеству и всему тому большому, что сделал для нас Алексей Алексеевич. Наша добрая память о нем, пусть будет самой лучшей данью этому славному и благородному мужу.